

УДК 316.7:902

DOI: 10.17223/19988613/42/9

М.П. Чёрная

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОМПОНЕНТ В ЭТНОКУЛЬТУРНОМ ДИАЛОГЕ СИБИРСКОГО СООБЩЕСТВА: АРХЕОЛОГО-ИСТОРИЧЕСКИЙ КОНТЕКСТ

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ

«Мультидисциплинарные исследования в археологии и этнографии Северной и Центральной Азии» (проект №14-50-00036).

В статье также использованы результаты, полученные в ходе выполнения научного проекта № 8.1.19. 2016 в рамках Программы повышения международной конкурентоспособности ТГУ.

Впервые поставлена актуальная проблема выявления по археологическим материалам европейского компонента в этнокультурном взаимодействии сибирского сообщества эпохи колонизации как новая самостоятельная тема русской археологии Сибири. Археология документирует этнокультурный диалог русских переселенцев Сибири, а через них сибирских автохтонов, с западным миром не только в сфере в торгово-меновых отношений по предметам так называемого русского импорта, но в разных аспектах повседневной жизни.

Ключевые слова: Сибирь и Европа; этнокультурное взаимодействие; «русские товары»; археология.

Колонизация Сибири представляла многоплановый процесс, включавший в себя государственно-политическое, административно-территориальное, социально-экономическое, демографическое освоение края, суть которого кратко и ёмко сформулировал С.В. Бахрушин: «трудом и культурой» [1. С. 62]. Грандиозный размах колонизации и вместе с тем её сжатость в феноменально короткий по историческим меркам срок породили историографическое отставание в осмыслении процесса освоения суперрегиона, неоднородность подходов и оценок, разброс мнений и остроту полемики, которая в кризисные моменты переливалась из сферы научной в политическую, что нашло отражение сначала в позиции сибирских областников, а в 1990-х – начале 2000-х гг. – в «новом» взгляде на Сибирь как колонию, которую якобы не в состоянии «переварить» Россия.

Разрыв во времени стал причиной того, что очевидные, пусть и по-разному, для современников XVII в. явления выпадали из поля зрения исследователей XX–XXI вв. Показательно, что, обращаясь к проблемам промыслово-торгового и земледельческого освоения, историки недооценивали роль города, рассматривая его как отсталый, недоразвитый в экономическом и социокультурном отношении феномен. Неслучайно в академическом по уровню и формату издании «История Сибири» город не стал предметом специального изучения. Выпал город и из главных направлений изучения источников по истории Сибири, обозначенных на всесибирской конференции 1967 г. [2. С. 112–120]. Лишь с 1970-х гг. городоведческая тематика перерастает в целенаправленное, систематическое исследование, результатом которого стал вывод о сибирских городах как опорных пунктах продвижения и освоения края русскими, как центрах с торгово-промыслово-промышленным профилем с особым городским строением и составом населения [3. С. 114].

Ещё позже развивается в самостоятельное направление археологическое изучение русских памятников Сибири, представленное по большей части раскопками городских комплексов [4. С. 482–515]. Впервые сформулированное в 2007 г. положение об археологическом городоведении как новом полномасштабном направлении сибиреведения за неполные 10 лет находит подтверждение в исследовании всё более широкого круга городов, выделении церковной археологии, археологии некрополей и археологии повседневности. Внедрение в научный оборот археологических источников, представляющих остатки подлинных объектов и предметов, в овеществлённом виде отображающих процесс колонизации, позволяет по-новому подойти к изучению этнокультурного освоения края русскими, увидеть аспекты, ранее не замечаемые, или рассмотреть их под другим углом зрения.

Одним из таких аспектов, давно вошедших в историографию, является проблема изучения так называемых русских товаров, поступавших в Сибирь, или «русского импорта». Исследователи признают условность этого термина. Письменные источники – таможенные, окладные и прочие документы – подразумевали под «русскими» все поступающие из европейской части государства товары как отечественного, так и иностранного происхождения. Среди товаров собственно российского производства в перечень «русских» попадали и европейские изделия: сукно английское и гамбургское, сукно-лятчина, атлас немецкий, бархат венецианский, изделия из металла, стекла, минеральные продукты, аптечные и парфюмерные снадобы, галантерея, немецкие зеркала с поталью и стенные, фряжские вина и пр. Объём европейских товаров в общей массе «русского» импорта составлял в среднем около 23% (на тобольском рынке – от 11,2 до 44,6%). Процент европейских товаров по отдельным категориям мог быть значительно выше. Успешное развитие сибирского ремесла в ходе колонизации привело к па-

дению ввоза западных товаров уже во второй половине XVII в., что особенно заметно на такой важной и дорогостоящей статье импорта, как европейское сукно [5. С. 44–47, 52–53; 6. С. 94].

Историки не зря отмечают малочисленность, отрывочность, разновременность, разнохарактерность письменных сведений. Далеко не всегда по спискам можно установить страну-производителя. Скажем, под определение «немецкий» попадали товары из разных стран, как и «торговые немцы», под собирательным названием которых разумелись купцы всевозможных национальностей. Например, английские торговцы могли фигурировать в документах как «английские немцы». Товары назывались «русскими», поскольку изделия отечественного производства занимали в импорте основное место и потому, что их ввозом в Сибирь занимались преимущественно русские купцы, в XVII в. в основном поморские. Активными поставщиками «русских» товаров из числа сибиряков были также служилые люди, сочетавшие служебные поездки с торговлей [5. С. 40, 62, 65, 92; 6. С. 76–101. С. 93, 100; 7. С. 164].

Купцы из стран Европы стремились проникнуть в Россию, так как на внутреннем рынке цены на импортные изделия были выше, а на товары русского производства ниже, чем в порубежных портах, прежде всего в Архангельске – главном торговом порте на севере страны. Активному устремлению торговых иноземцев противостояли таможенные уставы, налагавшие высокие пошлины, выплачивать которые могли немногие. По Новоторговому уставу 1667 г. западноевропейские купцы могли попасть во внутренние города только по специальным жалованным грамотам. Правда, ограничения и запреты нарушались как иностранными, так и русскими торговцами, да и правительство не было последовательным. Как верно заметил отечественный классик, «Суровость российских законов смягчается необязательностью их исполнения» (М.Е. Салтыков-Щедрин). Иллюстрацией может служить ситуация с указом 1732 г., запрещавшим иностранцам розничную торговлю. Англичане, устранившись установленными в нём жестокими наказаниями, просили отменить указ, на что получили ответ: только что вышедший указ отменить неудобно, но на практике он применяться не будет [7. С. 263]. Политика Петра I, направленная «к споспешествованию торговли с иноземцами» и расширению внешнеторговых связей с европейским рынком, привела к росту на русском рынке числа купцов с Запада с 50–60 чел. в 1693–1700 гг. до 184 чел. в 1720–1726 гг. [8. С. 204, 217–219; 9. С. 21, 25, 148–149]. Что касается сибирского рынка, европейские изделия попадали сюда через русских.

Привозили в Сибирь «русские» товары и «бухарцы», как тогда называли всех среднеазиатцев, кроме «хиванцев». Кстати, русское правительство, заинтересованное в упрочении давних связей Сибири с восточными государствами, предоставляло «бухарцам» боль-

шие торговые льготы, а тех из них, кто оседал на постоянное сибирское жительство, освобождало от несения тягла и служб. Поставкой «русских» товаров с Руси занимались также нерусские сибиряки, первенство среди которых принадлежало сибирским татарам. Однако бухарцы и местное население поставляли «русский» товар в незначительных размерах. Главными агентами завоза в Сибирь «русского» товара, в том числе западноевропейского производства, оставались русские [3. С. 219, 222–223; 5. С. 65–66].

Археологическое выявление «русского» импорта первоначально связано с памятниками сибирских автохтонов, поскольку развитие аборигенной археологии на десятилетия опередило сложение русской археологии Сибири. Раскопки поздних аборигенных памятников конца XVI – XVIII в., в первую очередь могильников, выявили стабильное присутствие «русского» импорта, к которому относили всё, что не производили сами автохтоны и то, что они обменивали или покупали через посредство русских. Успех товарообменных отношений с автохтонами был обеспечен, помимо прочего, их давними связями с Русью, что документируют археологические и летописные данные, начиная с упоминания о походе в Югру в 1096 г. новгородцев под начальством боярина Гюряты Роговича.

Проникновение «русского» импорта в сибирский край археологически зафиксировано уже на памятниках конца I – начала II тыс. н.э. Основная часть древнерусского импорта оседала в Нижнем Обь-Иртыше и в Сургутском Приобье, что связано с движением русских по северному пути через Вычегду и Печору. Походы новгородцев в Югру имели не только сиюминутный интерес по захвату военной добычи и сбора дани, но долговременную цель по установлению, поддержанию, развитию торговых отношений с «югрой и самоедьей». Проникновение выходцев из Древней Руси осуществлялось не только в форме спорадических экспедиций, но и в виде дисперсного временного проживания русских в местной среде, организации ими торговых факторий, налаживании товарообмена, в котором они выступали гарантами и посредниками [10. С. 73, 77, 87–89]. Эти длительные полутысячелетние связи, хотя и неровные по активности, стали необходимой прелюдией для быстрой и успешной колонизации Сибири в конце XVI – XVII в.

В состав «русского» импорта, оседавшего в автохтонных памятниках и представленного в значительной части товарами «русского» производства, входят также изделия европейского происхождения: монеты, счётные жетоны, посуда, предметы одежды из европейских тканей, галантерейная мелочь, даже оружие. Самой яркой находкой из последней категории стал обнаруженный в Барабе меч, клинок которого был изготовлен в Центральной, а рукоять, видимо, в Северной Европе. По надписи на клинке меч датируется концом XI – началом XII в. Каковы бы ни были конкретные обстоятельства попадания меча Каролингов в Западную Си-

бирь – через торговые связи или, как предлагает автор раскопок В.И. Молодин, с подвижником Ермака Иваном Кольцо, отряд которого трагически погиб в 1583 г. в ставке мурзы Карачи, предположительно находившейся в 2,5–3 км от места находки меча [11. С. 68–69], посредниками выступили русские.

Набирающие обороты раскопки русских памятников Сибири также предоставляют материалы по «русскому» импорту, ассортимент которого включал, помимо отечественных, европейские изделия. При этом мы зачастую затрудняемся с атрибуцией находок и определением западного происхождения предметов, а то и вовсе не предполагаем такового. Вообще выявление европейского компонента в ископаемом и историческом контексте колонизации – новая тема для русской археологии Сибири и, конечно, она не может быть ограничена торговой стороной вопроса. Предметы «русского» импорта выступали маркерами этнокультурных контактов. Но эти последние охватывали не только торгово-меновые отношения, но весь спектр повседневной жизни сибирского сообщества эпохи колонизации. Археология даёт новые возможности для изучения диалога культур, в котором русские выступали многоканальной связующей средой для участников межэтнических контактов и основными трансляторами разнокультурных традиций в регионе. Если для Европейской России изучение западного влияния на культурное развитие страны по археологическим материалам вошло в историографическую практику, то для Сибири мы только начинаем осознавать актуальность овеществлённого контекста взаимодействия русских переселенцев с полиэтничным окружением с акцентом на европейский компонент.

Изучение проблемы взаимодействия культурных традиций, принесённых в Сибирь русскими и переселенцами с Запада, необходимо вести в ключе общероссийской и общеевропейской исторической панорамы. Развитие культурных связей Сибири с Западом стало важной частью общего процесса европеизации страны – вживления в собственную культуру творчески переработанных образцов, идей, стиля западной культуры.

Торговля как средство поставки европейских товаров была лишь одним, при этом не главным, каналом связей Сибири с далёкой от неё Европой – удалённой на тысячи километров, но оказавшейся близкой в плане избирательного восприятия западных идей, образов, моды. Сибирь стала огромной ареной этнокультурного взаимодействия с западным миром. По мере срастания с Россией Сибирь становится крупнейшим узлом евразийских связей и объектом расширения европеизации страны. Главными переносчиками начал западной культуры стали вольные и невольные переселенцы Сибири из числа европейцев.

Сначала западному влиянию подвергается европейская часть Московского царства, закрытость границ которого в XVI и XVII вв. не исключала, а, напротив,

предполагала постоянный приток «внешних иноземцев», как тогда называли иностранцев-иммигрантов. Власти всячески поддерживали миграцию, привлекая на русскую службу иностранцев, поскольку страна нуждалась в различных специалистах. Из-за внутренней ситуации в Европе «внешние иноземцы» добровольно и достаточно активно мигрировали сами от многолетних войн, религиозных преследований, безземелья и полного разорения. Были и «вынужденные иммигранты» – из военных и угнанных, которые в основном попадали в «служилые иноземцы», особый социальный слой России. Среди западноевропейских иммигрантов доминировали немцы этнической германской группы. Самую многочисленную группу традиционно составляли выходцы из Речи Посполитой, устойчиво преобладавая в миграционном потоке. Их приоритет в миграции определяло, с одной стороны, славянское родство, с другой – стремление московского правительства расширить нобилитет собственной страны за счёт шляхтичей-иммигрантов [12. С. 5–19]. Волны польской миграции в XVII в. составили, по выражению П.П. Мельгунова, полупериод польского влияния, через которое шло знакомство российского общества с Западом и который подготовил переворот, совершившийся при Петре Великом, поставившим целью воспользоваться опытностью Запада и продвинуть вперёд Русское государство [8. С. 238].

С притоком в Сибирь переселенцев с Запада европеизация начинает охватывать азиатскую часть России. Многие из «внешних иноземцев», обладая военным опытом и относительно хорошей грамотностью, получали в Сибири возможность сделать карьеру и попадали в начальствующий состав служилых людей, отметились в военных походах и в воеводском бюрократическом аппарате. Выходцы из западных земель участвовали также в сельскохозяйственном, промысловом, промышленном освоении края. Зачастую уже во втором поколении «иноземцы» становились полноценными местными жителями [13. С. 24–32; 14. С. 125–129]. Культурный взаимообмен как на социальных верхах, так и на низовом обыденном уровне способствовал расширению исторических перспектив развития сибирского региона в масштабах всей страны и во взаимодействии с окружающим миром.

Проникновение западных веяний в Сибирь документирует и археология. Не все товары европейского производства можно зафиксировать археологически и, так сказать, напрямую. О ввозе текстиля свидетельствуют не только находки фрагментов тканей европейского производства, но и товарных пломб с латинскими буквами, которыми опечатывались отрезы и рулоны, о ввозе лечебно-косметических средств – аптечная и парфюмерная посуда и т.д. Находки вещей европейского происхождения нельзя назвать массовым археологическим материалом, часть из них относилась к разряду товаров, часть была предметами личного пользования и потому единична. Но все эти

европейские изделия являлись образцами западной культуры.

Важен не только факт распространения европейских изделий в Московии, но их принятие российским сообществом. Западные образцы проникали через социальную элиту и торговых агентов и распылялись по всем сословным категориям и территории страны, проходя при этом фильтрацию через собственные национально-государственные интересы, традиции, опыт. Способность к восприятию новшеств зафиксирована в историко-археологическом контексте как в объектно-вещевом отражении, так и письменно-иллюстративных свидетельствах. Показательно в этом плане сопоставление замечаний самих иностранцев XVII в. о переимчивости русских и их умении быстро учиться с современной репликой из фильма «Иван Васильевич меняет профессию»: «Ты нам только покажи, мы переймём!».

Процесс принятия западных образцов не сводился к простому их ввозу и не был их прямым заимствованием, русская культура начала вырабатывать стадийно близкие культурам европейских стран идеи, принципы, механизмы. Привозные новшества становились объектами творческой переработки, в ходе которой через многократное искажение при повторениях шло их постепенное преобразование в местный продукт, ставший уже органической частью «своей» среды [15. С. 185–194; 16. С. 10].

Проникновение западных веяний в Сибирь нашло археологическое отражение в разнообразных элементах интерьера, деталях костюма, предметах быта. Встречаются как аутентичные изделия европейского производства, так и их переработанные версии, получившие не только местную прописку, но и свой культурный контекст.

Показательным в плане обретения новых технологий, вкусов, связей и новым для сибирского источниковедения материалом, появление которого связано с раскопками, стали изразцы. Все известные находки изразцов происходят из городов и тяготеют к кремлёвской их части и церковно-монастырским объектам. Подобное положение объясняется локализацией каменного строительства и сопутствующему ему изразцового дела в городе, тяготением властей и горожан к модным тенденциям, возможностью именно городского контингента приобрести дорогостоящий элемент отделки и, конечно, престижно-знаковой ролью изразца.

Кроме прямой доставки престижного товара «с Руси» с рубежа XVII–XVIII вв. налаживается изразцовое производство в самой Сибири. Технологии, сюжеты, стилистика местного производства, как и первые мастера, также завезены «с Руси», где они, в свою очередь, связаны с организацией в середине XVII в. изразцового производства в Ново-Иерусалимском монастыре, куда патриарх Никон приглашает изразечников – выходцев из Речи Посполитой. Приехавшие в Московию из-за польско-литовского рубежа мастера изразцового дела, прошедшие выучку в Европе, безусловно, были носителями европейской традиции [17.

С. 208], а потому несли с собой западные идеи и образы и определённый стиль их воплощения.

Одним из наиболее ярких образцов, несущих на себе черты западного влияния, известным сегодня по археологическим данным, служат муравленые изразцы с символикой государственной власти из раскопок воеводских хором в Томске – пример воздействия европейского сюжетного изразца и канонов западной геральдики через художников и геральдистов из Речи Посполитой, хлынувших в Россию в ходе геральдической реформы, проводимой Алексеем Михайловичем. Наличие таких деталей на томских изразцах, как поднятые распостёртые крылья, «фады» между орлиными перьями, буквы по бокам короны европейского типа отражает влияние западной геральдики, творчески переработанной на российской почве [18. С. 203–205].

Ещё одним элементом облицовки печей из томской воеводской усадьбы, имеющим западные истоки, являются гладкие изразцы и изразцы с выпуклой полусферой. Печи с облицовкой гладкими изразцами и с «куполообразным» декором, известны, по крайней мере, в восточноевропейских землях с XVI по XX в. [Там же. С. 82, 205].

Деталью печи с западным акцентом является чугунная дверца, найденная в ходе раскопок на территории Красноярского Свято-Успенского мужского монастыря, построенного в 1879 г. Сюжет на дверце, отлитой на одном из уральских заводов, несомненно, заимствован из Европы [19].

Предметным воплощением знакомства сибиряков с европейской культурой служит стеклянная посуда, безусловно, входившая в разряд престижного потребления. Фрагменты посуды, изготовленной по венецианским технологиям в Нидерландах, Германии, Богемии, обнаружены при раскопках ряда русских городов Сибири. А скляницы с фестончатым дном, находившиеся в обиходе томского воеводы, имеют прямые аналогии со стеклянной посудой XVI–XVII вв., известной по раскопкам г. Кросно – центре стеклоделия и административном центре Подкарпатского воеводства в Польше [20. С. 39–63; 21. С. 419–440].

Употребление стеклянной посуды и дорогостоящего содержимого, для которого она служила тарой, – вина, парфюмерии, а также таких западноевропейских новинок, как, например, вилок, поначалу использовавшихся в царских палатах, предметно свидетельствует о стремлении социальной элиты Сибири следовать передовым веяниям моды, чтобы подчеркнуть свой высокий статус и поднять престиж.

Маркером приобщения к европейской культуре является такая принадлежность костюма статусного порядка, как обувь на высоком каблуке, подбитая гвоздиками или металлическими подковками, что связано с влиянием «польской» или «венгерской» моды.

Многочисленные находки кожаной обуви в городах, в том числе фликов от наборных каблуков, которые

уже с 1611 г. называли в Англии «польскими», а также так называемых французских деревянных каблучков свидетельствуют, что сибиряки также желали оставаться в русле модных тенденций, не отставать в щегольстве от жителей столицы и иноземных модников. Высота некоторых обнаруженных сибирских экземпляров (10 см и более) подтверждает наблюдения иностранцев о том, что обувь у москвичей «снабжена более высокими, нежели у поляков, каблучками» (цит. по: [22. С. 15–16]). Важно отметить, что основная масса обуви в Сибири была местного производства, о чём говорит неуклонное сокращение ввоза обуви «с Руси». Модельная обувь могла входить в состав «русского» импорта, но какую-то её часть шили на месте из привозных полуфабрикатов.

Трансляция инокультурных импульсов имеет положительную перспективу при условии, если принимающая сторона не остаётся на уровне ученика-подражателя, но усваивает новое, преломляя его через собственные традиции, учится, «не теряя своей самостоятельной воли и национального сознания» [8. С. 238].

Не всегда и не для всех западное влияние проходило безболезненно и могло привести к размытию этнокультурной идентичности, что случалось с представителями бюрократического аппарата, выходцами из служилой среды и др. Но в целом внедрение европейских новшеств, проходя сквозь толщу народной куль-

туры, «способствовало переходу значительных групп русского сообщества от бессознательной «чужебоязни» к сознательному национальному самоопределению» [23. С. 39–76; 24. С. 77–105; 25. С. 282]. Продукты «чужой» культуры усваивались «своей» культурой, проходя через многоступенчатую фильтрацию и отбор.

Процесс обновления, охвативший Россию, захватил и Сибирь. Вопреки представлениям, возникшим вновь в перестроечное время, о Сибири как стране беспримесного мрака и ужаса, находящейся за гранью цивилизации, здесь шёл многоголосый и многоязычный этнокультурный диалог, непростой по форме, но конструктивный по содержанию. Являясь самым грандиозным за всю историю России объектом расширения этнокультурной и государственной территории, Сибирь стала и ареной активных контактов автохтонов, переселенцев, «внешних иноземцев», связующей средой которых были русские. Через русских шло приобщение сибирских аборигенов и к началам западной культуры, русские же были посредниками в знакомстве европейцев с местной самобытной культурой. Открытие Сибири, её народов и культур европейскому Западу стало эпохальным результатом русской колонизации.

Продолжение археологических исследований позволит более полно и адекватно раскрыть ископаемый и исторический контекст колонизации и содержание многостороннего этнокультурного диалога, в том числе его европейского компонента.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бахрушин С.В. Задачи исторического изучения Сибири // Труды I Сибирского краевого научно-исследовательского съезда. Новосибирск, 1928. Вып. 5. С. 62.
2. Покровский Н.Н. О главных направлениях изучения источников по истории Сибири феодального периода в советском источниковедении // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1971.
3. Вилков О.Н. Очерки социально-экономического развития Сибири конца XVI – начала XVIII в. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1990. 368 с.
4. Чёрная М.П. Русская археология как новое направление в сибиреведении // Московская Русь. Проблемы археологии и истории архитектуры. М. : Ин-т археологии РАН, 2008.
5. Вилков О.Н. «Русские» товары на Тобольском рынке в XVII в. // Экономика, управление и культура Сибири XVI – XIX вв. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1965.
6. Вилков О.Н. Проблема всероссийского рынка и сибирская торговля XVII в. // Итоги и задачи изучения истории Сибири досоветского периода. Новосибирск : Наука. Сиб. отд-е, 1971.
7. Кулишер И.М. Очерк истории русской торговли. СПб. : Атеней, 1923. 323 с.
8. Мельгунов П.П. Очерки по истории русской торговли IX–XVIII вв. М., 1905. 279 с.
9. Захаров В.Н. Западноевропейские купцы в России. Эпоха Петра I. М. : РОССПЭН, 1996. 346 с.
10. Могильников В.А. Контакты населения лесной полосы Приуралья и Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н.э. // Проблемы археологии Евразии. М. : Наука, 1991. С. 57–105.
11. Молодин В.И. Меч Каролингов. Новосибирск : ИНФОЛИО, 2006. 144 с.
12. Опарина Т.А. Иноземцы в России XVI–XVII вв. Очерки исторической биографии и генеалогии. М. : Прогресс-Традиция, 2007. 384 с.
13. Люцидарская А.А. Польские переселенцы в сельскохозяйственном освоении Томского уезда // Проблемы трансмиссии и бытования этнокультурных традиций славянского населения Сибири XVIII–XX вв. Новосибирск : Ин-т археологии и этнографии СО РАН, 2005. С. 24–32.
14. Резун Д.Я. Выходцы из стран Центральной и Западной Европы на русской казачьей службе в Сибири XVII в. // Гуманитарная наука в России: Соросовские лауреаты: История. Археология. Культурная антропология. Этнография. М. : [Б. и.], 1996. С. 125–129.
15. Беляев Л.А. От Ивана III к Петру Великому: «Московская культурная модель» в эпоху ранней глобализации (архитектурно-археологическая версия) // Вестник истории, литературы и искусства. М. : Собрание; Наука. 2005. Т. I. С. 185–197.
16. Чёрная Л.А. Русская культура переходного периода от Средневековья к новому времени: Философско-антропологический анализ русской культуры XVII – первой трети XVIII в. М. : Языки русской культуры, 1999. 257 с.
17. Баранова С.И. Изразцы из Коломенского дворца: пример трансформации художественных импульсов // Коломенское: Материалы и исследования. М. [Б. и.], 2011. Вып. 13. С. 197–215.
18. Чёрная М.П. Воеводская усадьба в Томске. 1660–1760-е гг.: историко-археологическая реконструкция. Томск : ИД «Д'Принт», 2015. 276 с.
19. Мандрыка П.В., Титова Ю.А. Печная дверца «Готика» из Свято-Успенского монастыря // Вестник Томского государственного университета. История. 2016. № 5 (в печати).
20. Muzyczuk A., Bicz-Suknarowska M. Odkrycie dwóch obiektów architektury monumentalnej na Rynku w Krośnie // Rzeszowska Teka Konserwatorska. Rzeszów, 2002. T. III–IV. S. 39–63.
21. Muzyczuk A., Gancarski J. Średniowieczny Rynek w Krośnie w świetle badań archeologicznych. Uwagi wstępne // Gancarski J. Późne średniowiecze w Karpatach polskich. Krosno, 2007. S. 419–440.
22. Осипов Д.О. Обувь московской земли XII–XVIII вв. : материалы охранных археолог. иссл. М. : Ин-т археологии РАН, 2006. Т. 7. 202 с.

23. Уланов В. Западное влияние в Московском государстве // Три века. Россия от смуты до нашего времени : в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 39–76.
24. Нечаев В. Малорусско-польское влияние в Москве и русская школа XVII века // Три века. Россия от смуты до нашего времени: в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 77–105.
25. Бочкарёв В. Экономический быт России XVII века // Три века. Россия от смуты до нашего времени : в 6 т. / сост. А.М. Мартышкин, А.Г. Свиридов. [Репринт. изд.-е]. М. : ГИС, 1991. Т. 2: XVII век. Вторая половина. С. 251–286.

Chernaya Maria P. Tomsk State University (Tomsk, Russia); Institute of Archaeology and Ethnography of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk, Russia). E-mail: mariakreml@mail.ru

THE EUROPEAN COMPONENT IN THE ETHNIC AND CULTURAL DIALOG OF SIBERIAN SOCIETY: THE ARCHAEOLOGICAL AND HISTORICAL CONTEXT.

Keywords: Siberia and Europe; ethnic and cultural interaction; “Russian goods”; archaeology.

The article is dedicated to the detection on archaeological data of a European component in the ethnic and cultural interaction of the peoples in the age of colonization. This subject is new to the Russian archaeology of Siberia. Introduction of archaeological sources for scientific use allows taking new approaches to studying Russian development of the region, and let see unnoticed before aspects or to consider them from another point of view. One of such aspects is studying “Russian” import or “Russian” goods, which had been the name for all the goods delivered into Siberia, both domestic and foreign ones. Penetration of the Russian import into Siberia is archaeologically fixed on aborigine sites already on the edge of the 1st and 2nd millenniums A.D. Among “Russian” goods occurred to autochthons also were European items. Long-termed half-millennium connections prepared successful colonization of Siberia in the end of the XVI and XVII centuries. Excavations of the Russian sites also provide materials for “Russian” import, in which European items have been included besides domestic production. Ethnic and cultural interaction of the Siberian peoples with the Western world embraced not only trade and exchange relations, yet also by Europeanization strengthening of the country, all spectrum of everyday life. Not only the fact of European productions spreading is important, but also taking of them by Russian and since the XVII century by Siberian society. The main carriers of elements of the western culture were willing and unwilling European migrants and the key translators of various culture (including European) traditions were Russians. Western patterns infiltrated through the social elite and the traders and dissipated among all the estates and country territory, filtered by own national and state interests, traditions and experience. The taking process was not reduced to importation of western patterns and was not a straight adoption. Russian culture began to produce ideas, principles, and mechanisms stage close to European ones. Western trends penetration into Siberia has found an archaeological reflection in various interior items, costume details, household things, such as tiled stoves, glass ware, “Pole” or “Hungarian” fashion. The renovation process that had taken Russia took Siberia too. Through many voices and multilingual ethnic and cultural dialog, in which Russians were connecting environment, came Siberian aborigines’ adoption to the elements of European culture and Europeans’ acquaintance with the local original culture. The discovery of Siberia and its peoples and cultures for European West had become the epoch result of Russian colonization.

REFERENCE

1. Bakhrushin, S.V. (1928) Zadachi istoricheskogo izucheniya Sibiri [Objectives of the Siberian historical studies]. In: Anson, A.A. & Cheremnykh, G.I. (eds) *Trudy I Sibirskogo kraevogo nauchno-issledovatel'skogo s'ezda* [Proceedings of I Siberian Regional Research Congress]. Novosibirsk: Society for the Study of Siberia and its productive forces. p. 62.
2. Pokrovskiy, N.N. (1971) O glavnykh napravleniyakh izucheniya istochnikov po istorii Sibiri feodal'nogo perioda v sovetskom istochnikovedenii [On principal trends in the study of sources on Siberian feudal history in the Soviet source studies]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Itogi i zadachi izucheniya istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and problems of studying Siberian history of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
3. Vilkov, O.N. (1990) *Ocherki sotsial'no-ekonomicheskogo razvitiya Sibiri kontsa XVI – nachala XVIII v.* [Essays on the socio-economic development of Siberia in the late 16th – early 18th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
4. Chernaya, M.P. (2008) Russkaya arkheologiya kak novoe napravlenie v sibirvedenii [Russian archeology as a new direction in Siberian Studies]. In: Batalov, A.L. & Krenke, N.A. (eds) *Moskovskaya Rus'. Problemy arkheologii i istorii arkhitektury* [Moscow Rus. Problems of archeology and history of architecture]. Moscow: Institute of Archaeology.
5. Vilkov, O.N. (1965) “Russkie” tovary na Tobol'skom rynke v XVII v. [“Russian” goods on the Tobolsk market in the 17th century]. In: Shunkov, V.I. (ed.) *Ekonomika, upravlenie i kul'tura Sibiri XVI – XIX vv.* [Economy, management and culture of Siberia in the 16th – 19th centuries]. Novosibirsk: Nauka.
6. Vilkov, O.N. (1971) Problema vs Rossiyskogo rynka i sibirskaya trgovlya i promyshlennost' XVII v. [The problem of the nationwide market and Siberian trade and industry in the 17th century]. In: Okladnikov, A.P. (ed.) *Itogi i zadachi izucheniya istorii Sibiri dosovetskogo perioda* [Results and problems of studying Siberian history of the pre-Soviet period]. Novosibirsk: Nauka.
7. Kulisher, I.M. (1923) *Ocherk istorii russkoy trgovli* [An essay on the history of Russian trade]. St. Petersburg: Atenev.
8. Melgunov, P.P. (1905) *Ocherki po istorii russkoy trgovli IX–XVIII vv.* [Essays on the history of Russian trade in the 9th – 18th centuries]. Moscow: Sotrud. shk. A.K. Zaleskoy.
9. Zakharov, V.N. (1996) *Zapadnoevropeyskie kuptsy v Rossii. Epokha Petra I* [West European merchants in Russia. The era of Peter I]. Moscow: ROSSPEN.
10. Mogilnikov, V.A. (1991) Kontakty naseleniya lesnoy polosy Priural'ya i Zapadnoy Sibiri v kontse I – nachale II tysyacheletiya n.e. [The contacts of the population in the forest Urals and Western Siberia in the late 1st – early 2nd millennia BC]. In: Mogilnikov, V.A. (ed.) *Problemy arkheologii Evrazii* [Problems of archeology of Eurasia]. Moscow: Nauka. pp. 57–105.
11. Molodin, V.I. (2006) *Mech Karolingov* [The Carolingian Sword]. Novosibirsk: INFOLIO.
12. Oparina, T.A. (2007) *Inozemtsy v Rossii XVI–XVII vv. Ocherki istoricheskoy biografii i genealogii* [Foreigners in Russia in the 16th – 17th centuries. Essays on historical biography and genealogy]. Moscow: Progress-Traditsiya.
13. Lyutsidarskaya, A.A. (2005) Pol'skie pereselentsy v sel'skokhozyaystvennom osvoenii Tomskogo uyezda [Polish immigrants in the agricultural development of Tomsk Uezd]. In: Bolonev, F.F. (ed.) *Problemy transmissii i bytovaniya etnokul'turnykh traditsiy slavyanskogo naseleniya Sibiri XVIII–XX vv.* [Problems of transmission and existence of ethnic and cultural traditions of the Slavic population in Siberia in the 18th – 20th centuries]. Novosibirsk: Institute of Archaeology and Ethnography RAS. pp. 24–32.
14. Rezun, D.Ya. (1996) Vykhodtsy iz stran Tsentral'noy i Zapadnoy Evropy na russkoy kazach'ey sluzhbe v Sibiri XVII v. [Immigrants from Central and Western Europe at the service of the Russian Cossacks in Siberia in the 17th century]. In: Vyatkin, A.R. (ed.) *Gumanitarnaya nauka v Rossii: Sorosovskie laureaty: Istoriya. Arkheologiya. Kul'turnaya antropologiya. Etnografiya* [Humanities in Russia: Soros laureates: History. Archeology. Cultural Anthropology. Ethnography]. Moscow: [s.n.]. pp. 125–129.

15. Belyaev, L.A. (2005) Ot Ivana III k Petru Velikomu: "Moskovskaya kul'turnaya model" v epokhu ranney globalizatsii (arkhitekturno-arkheologicheskaya versiya) [From Ivan III to Peter the Great: The "Moscow cultural model" in the era of early globalization (the architectural and archaeological version)]. In: Bongard-Levin, G.M. & Polykovskaya, V.P. (eds) *Vestnik istorii, literatury i iskusstva* [Bulletin of the History, Literature and Art]. Vol. 1. Moscow: Sobranie; Nauka. pp. 185-197.
16. Chernaya, L.A. (1999) *Russkaya kul'tura perekhodnogo perioda ot srednevekov'ya k novomu vremeni: Filosofsko-antropologicheskii analiz russkoy kul'tury XVII – pervoy treti XVIII v.* [Russian culture of the transition from the medieval to modern times: The philosophical and anthropological analysis of Russian culture of the 17th – early 18th centuries]. Moscow: Yaz. rus. kul'tury.
17. Baranova, S.I. (2011) Izraztsy iz Kolomenskogo dvortsa: primer transformatsii khudozhestvennykh impul'sov [Tiles from the Kolomenskoye Palace: An example of the transformation of artistic impulses]. In: Kolesnikova, L.P. (ed.) *Kolomenskoe: Materialy i issledovaniya* [Kolomenskoye: Materials and Research]. Issue 13. Moscow: [s.n.]. pp. 197-215.
18. Chernaya, M.P. (2015) *Voevodskaya usad'ba v Tomske. 1660–1760-e gg.: istoriko-arkheologicheskaya rekonstruktsiya* [The voivode homestead in Tomsk in the 1660–1760-s: The historical and archaeological reconstruction]. Tomsk: D'Print.
19. Mandryka, P.V. & Titova, Yu.A. (2016) Pechnaya dvertsya "Gotika" iz Svyato-Uspenskogo monastyrya [The furnace door "Gothic" of the Holy Dormition Monastery]. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriya – Tomsk State University Journal of History*. 5 (in print).
20. Muzyczuk, A. & Bicz-Suknarowska, M. (2002) Odkrycie dwóch obiektów architektury monumentalnej na Rynku w Krośnie [The discovery of two buildings of monumental architecture on the market in Krosno]. *Rzeszowska Teka Konserwatorska*. 3-4. pp. 39-63.
21. Muzyczuk, A. & Gancarski, J. (2007) Średniowieczny Rynek w Krośnie w świetle badań archeologicznych. Uwagi wstępne [Medieval Market in Krosno in the light of archaeological research. Introductory remarks]. In: Gancarski, J. (ed.) *Późne średniowiecze w Karpatach polskich* [Late Middle Ages in the Polish Carpathians]. Krosno. pp. 419-440.
22. Osipov, D.O. (2006) *Obuv' moskovskoy zemli XII–XVIII vv.: materialy okhrannykh arkheologicheskikh issledovaniy* [The footwear of the Moscow land in the 12th – 18th centuries: Materials of archaeological research]. Vol. 7. Moscow: Institute of Archaeology RAS.
23. Ulanov, V. (1991) Zapadnoe vliyanie v Moskovskom gosudarstve [Western influence in Muscovy]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 39-76.
24. Nechaev, V. (1991) Malorusko-pol'skoe vliyanie v Moskve i russkaya shkola XVII veka [Little Russian-Polish influence in Moscow and the Russian school of the 17th century]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 77-105.
25. Bochkarev, V. (1991) Ekonomicheskiy byt Rossii XVII veka [The economic life of Russia in the 17th century]. In: Martyshkin, A.M. & Sviridov, A.G. (eds) *Tri veka. Rossiya ot smuty do nashego vremeni: v 6 t.* [Three centuries. Russia from the turmoil to the present. In 6 vols]. Vol. 2. Moscow: GIS. pp. 251-286.